

Похороны

Л. Н. Загурскаго.

Вчера похоронили заслуженного профессора Л. Н. Загурскаго.

Въ университетской церкви, куда напавути были перевезены останки покойнаго, послѣ литургіи было совершено отпѣваніе.

Церковь была переполнена молящимися, среди которыхъ были профессора, студенты, курсистки, ученики коммерческаго училища, бывшіе слушатели и знакомые покойнаго.

Передъ церковью стояла большая толпа студентовъ, ожидавшихъ выноса тѣла покойнаго профессора.

Послѣ отпѣванія проф. о. Филевскій произнесъ надъ гробомъ Л. Н. Загурскаго заупокойное слово.

Далѣе, произнесъ рѣчь и о. ректора заслуженный проф. И. В. Негушилъ:

«Какъ громъ, поразило извѣстіе о смерти Л. Н. Загурскаго и грустно было видѣть осиротѣвшихъ студентовъ, пришедшихъ въ университетъ экзаменоваться по дотмъ римскаго права, но въсто того принужденныхъ готовиться къ похоронамъ своего стратаго, но добраго учителя»,—говорилъ И. В. Негушилъ.

Мы лишились виднаго представителя науки и замѣчательнаго, отзывчиваго чловѣка—постояннаго ходатая за студентовъ...

Когда получилое извѣстіе о страданіяхъ голодающихъ, Леонтій Николаевичъ сталъ совѣщаться со мной,—замѣтилъ И. В. Негушилъ,—о томъ, чтобы устроить лекцію въ ихъ пользу или же помочь имъ какимъ-либо образомъ...

Рѣчь свою И. В. Негушилъ закончилъ благодарностью, обращенной къ покойному, за земные труды, за доброе отношеніе къ дѣлу и людямъ.

Проф. В. М. Гордонъ говорилъ по порученію юридическаго факультета. Имъ сказано приблизительно слѣдующее.

Большую потерю понесъ юридическій факультетъ: скончался старѣйшій членъ факультета.

Правда, онъ уже 12 лѣтъ былъ сверхштатнымъ. Онъ былъ сверхштатнымъ, но ненужнымъ никогда не былъ.

Необходимый для дѣла, науки, онъ былъ необходимъ до послѣдняго момента своей жизни.

Леонтій Николаевичъ скончался; умершій исключенъ будетъ изъ списковъ. Но изъ исторіи университета и факультета и изъ памяти тѣхъ, кому дорого ихъ достоинство, не вычеркнуть имени профессора Загурскаго.

Почти полвѣка существованія университета связано съ этимъ именемъ. Упомянутой, во цѣлѣ лѣтъ, вошелъ онъ въ стѣны университета и только теперь всемогущей силой смерти взять изъ него.

За это долгое время Леонтій Николаевичъ преподавалъ и римское право и близкіе къ нему предметы. Цѣлые 25 лѣтъ сверхъ того онъ участвовалъ въ составѣ президіума университета, исполняя сначала обязанности секретаря, а за нимъ—декана. Первымъ начиналъ онъ чтеніе въ году, первымъ онъ являлся и на лекціи.

Лишь съ прошлаго года, послѣ тяжелой утраты единственнаго малютки сына

Леонтій Николаевичъ сталъ, видимо, искать удаленія отъ тѣхъ дѣлъ, гдѣ его отсутствіе могло не отразиться вреднымъ образомъ на дѣлѣ...

Такъ можно ли вычеркнуть изъ списковъ исторіи университета такую дѣятельности Леонтія Николаевича!..

Земной поклонъ шлетъ своему незабвенному и глубокоуважаемому коллегѣ юридическій факультетъ.

Проф. А. Д. Киселевъ сказалъ:
Съ трепетомъ подхожу я къ твоему гробу, почившій учитель!

Съ нимъ я опускаю въ могилу когда-то живое напоминаніе лучшихъ дней молодости! Но не хочу, чтобы въ эту минуту дрогнулъ мой голосъ и напружась непослушная слеза. Пусть будетъ кратко, просто и спокойно мое слово...

Тяжелъ былъ твой жизненный нуть. Не цвѣтами, терніемъ усыпанъ. Порои удары судьбы были такъ ужасны, что, казалось, должны свалить съ ногъ всякаго. А ты все жилъ. Ровно, покойно, безъ ропота и озлобленія...

И думалось на сторонѣ: да не безчувственность ли это? Или, можетъ быть, растоптанный жизнью чловѣкъ? Неужели возможна такая покорность судьбѣ и долгу?

Но тотъ, кто ближе зналъ покойнаго, не обманывался его наружнымъ видомъ, понималъ, чего стоило ему жить, и какъ подавлялъ онъ въ себѣ всякую слабость. И вотъ предъ нами встаетъ образъ не истерзаннаго и равнодушнаго, а закаленнаго и умудреннаго горемъ. Онъ былъ выше людской суетности и не побоялся глянуть прямо въ лицо жизни.

Многихъ удивляла его вѣщность, ужъ слишкомъ простая для интеллигента, и крайности ограниченій комфорта. Но думать ли о вѣщности и комфорта тому, кто по опыту знаетъ, что въ жизни есть болѣе высокія, трудныя задачи!

Удивляло и его отношеніе къ людямъ. Вторяно, онъ не постылся бы называть своимъ другомъ нашего почтеннаго старика, сторожа Дмитрія, не дѣлилъ людей по рангу, ко всѣмъ обращался на «вы» и былъ одинаково доступенъ всякому.

Студента Леонтій Николаевичъ искренне считалъ младшимъ коллегой и зналъ быть студента, понималъ его душу такъ, какъ развѣ можетъ понимать ее тотъ, у кого тоже студенческая душа.

Высоко ставилъ женщину и ратовалъ за ея равноправіе.

Насъ, начинавшихъ ученое поприще, всегда боялся стѣснить превосходствомъ своего положенія. Да и ни съ кѣмъ никогда не обходился, какъ начальникъ. Онъ былъ жрецъ культа формальности, но не чиновничества.

И все это не представляло ничего напускнаго и не было выполненомъ какой-либо социальной или политической программы. Тутъ было нечто поглубже. Чловѣкъ, заглянувшій въ лицо самой жизни, не обращалъ вниманія на ея условности.

Равнодушный къ мелочамъ, Леонтій Николаевичъ не былъ равнодушенъ къ труду, къ горю ближняго; любилъ и хорошо зналъ жизнь бѣдняка; принималъ близко къ сердцу интересы крестьянина. На просвѣщеніе смотрѣлъ какъ на цѣль, а не средства; просто, искренно любилъ все, что дѣлаетъ чловѣка чловѣкомъ.

Счастья въ тотъ, кто безболѣзненно кончитъ свои дни, какъ Леонтій Николаевичъ, и оставитъ по себѣ память «старога профессора» съ молодой студенческой душой, неслеперенной иривратностями судьбы.

Онъ протянулъ сухую желтую руку и,